

Наступит ли время Бердяева?

Творчество Н. Бердяева развивает одну из характерных традиций российской философской мысли, которая связывала прогресс человечества прежде всего и главным образом с качественными изменениями в духовно-нравственном мире человека. Хотя европейская и мировая известность пришла к Бердяеву уже в конце 20-х годов, в период его творческого расцвета и вынужденной эмиграции, сам он чувствовал себя «несвоевременным мыслителем», находящимся в совершенном разрыве со своей эпохой, и постоянно размышлял об этом. У него не было согласия ни с одним из современных ему идейных направлений — политическим, философским или религиозным - ему были чужды все общественные движения, группировки и партии его времени.

В молодости Бердяев вращался в марксистской среде, но очень скоро осознал, что его миросозерцание, отстаивающее свободу личности творчество, несовместимо с марксистским материализмом. В социализме и большевизме Бердяев усматривал возможность, которая может привести

к истреблению свободы, к тоталитаризму, к системе Великого Инквизитора, возможность, ставшую трагической реальностью не только в России. Ведя борьбу со всякой ортодоксией, все равно - революционной, контрреволюционной или православной, если только она посягала на свободу личности, мысли и совести, Бердяев впоследствии критиковал теорию марксизма и практику социализма именно с этих позиций.

Вместе с тем он всегда был далек от апологетики капитализма и западной буржуазности, а высланный в 1922 г из советской России, радикально разошелся с белым движением, отвергая саму идею свержения большевизма путем интервенции. Убедившись в том что белая эмиграция ненавидит и отрицает свободу не меньше, чем русский коммунизм, Бердяев с еще большим пафосом продолжал отстаивать мысль о том, что истину, справедливость и совершенство можно принять только в свободе и через свободу. Нельзя насильственно освободить, нельзя насильственно принудить к совершенству - это самые заветные мысли Бердяева, которые человечество начинает постигать лишь сейчас.

Вообще Бердяев мучительно воспринимал враждебность и злобность, царившие в самых различных общественных лагерях и принимавшие, по-

Кошелева В.Л. – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Исследовательского центра Гособразования СССР. Автор работ по проблемам человека, культуры, истории экзистенциально-феноменологической философии

его словам, почти «маниакальный» характер. В начале 20-х годов он высказывал мысль, которая приобрела новое актуальное звучание сегодня. Бердяев призывал западные государства не только признать установившуюся в России советскую власть и прекратить изоляцию советской России, но и содействовать ее интеграции в жизнь мирового сообщества, что, по его мнению, позволило бы в значительной степени смягчить многие отрицательные процессы, происходящие в стране.

Глубокое отвращение испытывал философ к различным формам национализма. Его возмущала склонность к национальному самовозвеличению, которую он наблюдал в Европе. Намного опережая свое время, философ отстаивал коренной и органический универсализм, который так же, как и его радикальный персонализм, расходился с преобладающими настроениями и представлениями эпохи. Именно с универсалистическим мировоззрением, означающим отказ от изоляции и замкнутости в себе и признание взаимообогащающего общения всех наций и государств, связывал Бердяев будущее человечества.

Считая постыдным быть своевременным в эпоху, которая «стоит под знаменем отрицания человечности и даже упоена бесчеловечностью»¹, Бердяев обращался к грядущим временам. В его экзистенциально-персоналистической философии подлинное и целостное утверждение человеческой индивидуальности предполагает органическое и любовное воссоединение с другими людьми, природой, космосом, устремленность к трансцендентному, приверженность высшим ценностям и смыслам. Творчество, согласно Бердяеву, ни в коей мере не есть анархия, свобода не есть произвол, индивидуальность и суверенитет личности не есть индивидуализм и эгоцентризм. Они наполнены высшими, сверхпрагматическими смыслами, связаны с мировыми, вселенскими, космическими целями. Подлинное творчество и свобода личности предполагают взаимообогащающее и вдохновляющее общение личностей, поглощенных не потреблением и не разрушением, а созидательным творчеством нового.

Для утверждения этих ценностей необходима, по мысли Бердяева, персоналистическая, духовно-нравственная революция, которая означает переход из мира принудительной природной и социальной необходимости и ложной иерархии ценностей в мир совершенно иного качества и подлинных ценностей существования. Он свято верил, что его философское миропонимание предвдвывает и готовит эту новую эпоху.

Наиболее глубокий и единственно последовательный персонализм Бердяев усматривает в метафизически трактуемом им христианстве. По убеждению Бердяева, христианство есть откровение «иног», духовного мира, оно хранит образ человека в одну из самых бесчеловечных эпох мировой истории. Только христианство направлено на всего человека, на конкретную целостную личность. Однако религиозный гуманизм и богочеловеческую антропологию Бердяева нельзя считать выражением ортодоксального христианства и православной церковной мысли. Критическое осмысление Бердяевым старого христианства и история его отношений с русскими и западными церковными кругами, на мой взгляд, чрезвычайно важны для современных духовных исканий, где очень сильны попытки однозначно представить традиционное христианство как исключительное средоточие человечности. Известно, что консервативные религиозные круги, православные, католические и протестантские течения одинаково враждебно относились к религиозному модернизму Бердяева, исповедующему христианство как религию свободы и творчества личности, любви и милосердия, а не авторитета и традиции, запугивания и страха.

¹ Бердяев Н. Самопознание (Опыт философской автобиографии). «Общественные науки», 1990, № 3, с. 236.

Его отталкивали элементы жестокости и мстительности, которые проявляются в истории христианства и системе ортодоксального богословия. «Утверждение человечности христианства,— писал Бердяев,— вызывает настоящую ненависть у тех многочисленных христиан, которые считают жестокость основным признаком ортодоксальности»². Наибольший же протест у него вызывали идея ада и всевозможные попытки его объективации и онтологизации. Судебный и карательный характер христианства для Бердяева был абсолютно неприемлем. Он убежден, что старое, историческое христианство, являющееся выражением человеческой ограниченности, окончательно изживает себя и должно быть преодолено. «Судебная религия» не годна для человека, измученного непомерными страданиями, истерзанного злом этого мира. Не жестокая расправа над неверием, а спасение всех и вся, рождение Бога в человеке и человека в Боге — в этом для Бердяева заключается подлинный смысл нового, преображенного христианства.

Идея Бога, таким образом, есть для Бердяева не что иное, как вера в человека, в его творческие возможности, в его духовную и нравственную высоту, вера в высший смысл и высшую правду. Именно поэтому утверждение о бессмысленности и абсурдности человеческого существования, столь характерное для атеистического западного экзистенциализма, не могло бы быть принято русским философом. Для Бердяева безоговорочно принять абсурд мира и по-своему онтологизировать его — значит не только смириться с бессмыслицей данного мира, оставляя в ней навсегда человека, но и непрерывно умножать ее. Наследуя лучшие духовные традиции русской философии и литературы, Бердяев всем своим творчеством утверждал существование смысла и возможность прорыва к смыслу через бессмыслицу.

Полемика Бердяева с ведущими общественно-политическими, философскими и религиозными течениями его времени, с доминирующими социально-психологическими представлениями, настроениями и верованиями проясняет, на мой взгляд, наиболее глубокое смысловое ядро его мировоззрения, тот круг идей, которые предвосхитили глобальную переоценку ценностей, происходящую в нашей стране и во всем мире в преддверии XXI века. Речь идет о признании верховного значения личности и приоритета общечеловеческих ценностей, о необходимости революции в области нравственности, отказа от насилия в любых его формах и проявлениях, самообуздания и ограничения утилитарно-потребительских, своекорыстных притязаний. В этом процессе, столь сложном и противоречивом, духовное наследие Бердяева и поныне остается для человечества непревзойденной высотой. Несомненно одно: если человечество сохранит себя физически, духовно и нравственно в грядущем тысячелетии, то эта новая эпоха станет временем Бердяева.

Сейчас многие книги Бердяева впервые издаются в нашей стране, о нем пишут, говорят, спорят. Одни принимают Бердяева безоглядно, наслаждаясь его страстным и блестящим талантом, другие находят сбивчивым, теоретически поверхностным, чрезмерно морализирующим; но, кажется, уходят в прошлое одноязычные оценки русского мыслителя как идеалиста, атеиста, антикоммуниста, антисоветчика и т. п., пробуждается неподдельный интерес к метафизическому и экзистенциальному пластам его творчества. Все это свидетельствует о неистребимой потребности в духовном и нравственном насыщении человеческого бытия, вселяет надежду, что гениальные открытия русского философа могут оказать возвышающее плодотворное воздействие уже на наше поколение.

² Бердяев Н. Самопознание... «Общественные науки», 1990, № 4, с. 221.

Возьмите самую животрепещущую ныне тему: «судьба России», «русского коммунизма» и социализма в целом в их сопряженности с судьбой человечества и мировой истории. В потоке современных публикаций на эту тему, содержащих не только серьезные и продуманные, но и злорадно беспощадные и отталкивающие высказывания о «роковой ошибке Октября 1917 года», критика марксизма и социализма Бердяевым часто оказывается более выдержанной и справедливой. При этом Бердяев не только

в дореволюционный период, но и значительно позже, уже осмысливая опыт сталинизма, утверждал, что «есть великая правда социализма перед лицом буржуазно-капиталистической общественности», что «социализм есть необходимое и справедливое развитие буржуазности, буржуазного мироустройства», а посему «все буржуазные аргументы против социализма — лицемерны и порочны»³.

Что касается дилеммы «капитализм или социализм», за рамки которой многие в своих размышлениях не могут выйти до сих пор, считая, что единственным спасением для нашей страны и всех социалистических стран может быть только немедленное «введение» капитализма, то для Бердяева в таком смысле эта дилемма также не существовала. Безоговорочно отвергая капиталистическое мироустройство и признавая несомненность «относительной правды» социализма по сравнению с капитализмом, Бердяев уже тогда видел и «абсолютную неправду» социализма, который, по его выражению, есть «последняя правда» и «последняя справедливость» людей в их усилении устроиться в мире природной и социальной необходимости, пронизанном духом «буржуазности». Можно заранее с уверенностью сказать, писал философ, что социализм не осуществит тех основных целей и задач, которые он перед собой ставит. Он не совершит скачок из царства необходимости в царство свободы (хотя и говорит об этом), не разрешит проблему индивидуальной человеческой судьбы, трагический конфликт личности и общества, поскольку не изживает и не преодолевает, а принимает и наследует все коренные «буржуазные ценности», пытаясь их только по-новому распределить. Рассматривая социализм

и капитализм как два враждующих полюса современной «буржуазной» цивилизации, Бердяев вкладывал в понятие «буржуазности» особый, не столько общественно-экономический и социально-классовый, сколько метафизический, духовно-нравственный смысл. Его интересуют не столько капитализм и социализм сами по себе, сколько те предельные установки, которые лежат в основании современной цивилизации и порождают ее многочисленные противоречия, несущие угрозу подлинной культуре, личности, творчеству, духовности.

На этих вопросах я остановлюсь подробнее ниже. Сейчас же хочу подчеркнуть другой аспект метафизики истории Бердяева. Несмотря на трезвую оценку неудач мировой истории и особенно современной «буржуазной» Цивилизации, Бердяев, глубоко переживавший трагизм индивидуальной человеческой судьбы и судьбы всего человечества, не допускал какого бы то ни было высокомерного, пренебрежительного отношения к предшествующим историческим эпохам и человеческим поколениям. Обогащение будущего за счет прошлого и настоящего, что он не без оснований находил имплицитно содержащимся в различных теориях прогресса, в том числе и в марксистской, справедливо возмущало Бердяева. Утверждая всем пафосом своего творчества существование смысла индивидуальной человеческой жизни и смысла мировой истории, он неоднократно писал, что нет ничего более жалкого и возмущающего нравственную совесть

³ Бердяев Н. Смысл творчества. В кн. Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989, с. 487. Ср.: Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990, с. 150.

человечества, чем упования на блаженство, счастье и совершенство грядущих поколений. С этой точки зрения лишь некоторые поколения, которые явятся «на вершине истории», окажутся способными приблизиться к справедливости и правде, а остальные поколения, в удел которым достались заблуждения, страдания и несовершенство,— лишь средство, орудие для достижения этих целей. «В действительности ничего подобного нет,— утверждает Бердяев,— в действительности каждое поколение имеет цель в самом себе, несет оправдание и смысл в своей собственной жизни, в творимых им ценностях и собственных духовных подъемах»⁴. Бердяев убежден, что в каждой эпохе есть своя «духоносность», в ней совершается своя работа над человеческим образом, которая составляет существенный момент судьбы человека во всемирной истории и с которой связана вся метафизика истории.

Я полагаю, что Бердяев прав, когда высказывает предположение, что в истории нет совершающегося по прямой линии прогресса добра, прогресса совершенства, прогресса счастья человеческого, а есть лишь от эпохи к эпохе осуществляющееся раскрытие самих противоположных начал бытия, как светлых, так и темных, начал добра и начал зла. И человек каждый раз не просто выбирает между поставленным перед ним добром и злом, но в силу своей изначальной свободы и творческих возможностей активно созидает или добро, или зло.

Много говоря сейчас о зле прошлого и о необходимости гуманизации нашего настоящего и будущего, нередко забывают о том, что зло невозможно преодолеть без мудрого, справедливого и нравственного отношения к предшествующим человеческим поколениям. Эту истину наше общественное сознание постигает с большим трудом. Вот уже несколько лет, как мы поглощены покаянием, без которого, по справедливому замечанию Бердяева, прекрасно описавшего этот феномен, невозможно преодолеть собственную ограниченность и начать борьбу со злом. Но всегда ли оно оказывается для нас плодоносным? К сожалению, нет. Предельное сгущение тьмы, смакование зла, состязание в нигилизме и цинизме без выхода к реальному преображению бытия — все это способно привести лишь к «духовному отчаянию» и «духовному самоубиению». Подлинная ценность и высший смысл покаяния заключается не в самопогруженности и сосредоточенности на себе, а в возрождении духа и в освобождении его созидательных сил, которые есть уже начало творчества новой жизни. «Само по себе покаяние не есть еще возрождение,— пишет Бердяев.— Возрождение есть уже творческий подъем»⁵.

Но вернемся к так называемой метафизике «буржуазности» Бердяева, которая, по моему убеждению, представляет собой один из лучших диагностических анализов современных общецивилизационных процессов. Согласно Бердяеву, именно торжество «буржуазности» привело в XIX и XX вв. к антионтологической технической цивилизации, которая глубоко противоположна подлинной культуре и есть не что иное, как «фиктивное», «вывернутое», «ложное» бытие. Современная цивилизация «буржуазна» по своей сути, а это, по Бердяеву, означает, что она не верит в мир высших, духовных ценностей, а верит лишь в мир видимых, материальных вещей, она ненавидит вечность, а прикреплена к тленным, преходящим, условным благам мира сего — власти, богатству, славе, наслаждению рос-

---

⁴ Бердяев Н. Смысл истории. М., 1990, с. 151.

Бердяев Н. Смысл творчества, с. 387.

кошью и комфортом⁶. Дух цивилизации — это мещанский дух. «Буржуазная» мораль — примитивная, грубая мещанская мораль.

Цивилизация началась с повсеместного вхождения техники в человеческую жизнь, что радикально изменило отношение человека к природе, к другим людям и к самому себе. С помощью техники и материального производства человек пытается достичь владычества над природой, но вместо этого «он становится рабом организованного общества и техники, рабом машины, в которую превращено общество и незаметно превращается сам человек»⁷. В технической цивилизации человек уходит на внешнюю периферию жизни, погружается в низшие слои бытия, утрачивая свою универсальность, органичность и целостность. Наивысшего напряжения достигает в современной цивилизации воля к власти и могуществу, к практике и организованному овладению жизнью, к наслаждению и комфорту. В этом стремлении иметь, а не быть, овладеть с помощью самых разнообразных техник не только природой, но и социальной средой, человек порождает такие «фикции» и «призраки», которые закрывают ему сам доступ к подлинным началам бытия. Если культура в своих высших проявлениях бескорыстна, то в цивилизации, напротив, господствует узкопрагматическое, односторонне утилитарное, потребительское отношение ко всему и вся. Для использования жизни и наслаждения ею цивилизация сметает все «духовные препятствия», но там, где кончается культура, неизбежно начинают обнаруживаться самые разнообразные формы варварства и огрубения. Индустриально-капиталистическая система как самый «совершенный» плод «буржуазности» никогда не олицетворяла только экономическое могущество, «она была и явлением духовным, явлением истребления духовности»⁸.

В современной цивилизации, пишет Бердяев, уже само мышление человека становится техническим. Техницизм проникает во все поры жизни человека и человеческого общества. Развивая значительно раньше и независимо от М. Хайдеггера (однако во многом близкую ему по смыслу) «метатехническую», метафизическую концепцию техники, Бердяев так же, как и немецкий философ-экзистенциалист, понимает под техникой не столько систему всевозможных искусственных органов, инструментов и манипуляций, сколько некую всеохватывающую, предельную установку, которая лежит в основании самых разнообразных видов человеческой деятельности и постоянно воспроизводится. В «буржуазной» цивилизации ничто уже не представляется ценным само по себе. Даже познание, наука, философия, искусство превращаются в средство все той же техники жизни, ибо рассматриваются исключительно с точки зрения полезности. В сознании людей этой цивилизации, поглощенном лишь техникой и организацией жизни, происходит извращение соотношения между смыслом и средствами жизни. Признавая реальными лишь технику, организацию, производство, а духовную жизнь, духовную культуру и всякую духовность — иллюзорными, эфемерными, призрачными, «буржуазная» цивилизация провозглашает «культ жизни вне ее смысла». В непрекращающейся эскалации утилитарно-прагматических потребностей и притязаний, а также новых орудий и средств для их реализации человек и человечество в целом уже не задаются вопросом о высших целях и подлинном смысле самой

⁶ В новейших культурологических и социально-психологических исследованиях с тревогой отмечается, что в иерархии общечеловеческих ценностей — добра, истины, красоты, справедливости, творчества, вдохновения, любви — комфорт начинает занимать доминирующее место.

Бердяев Н. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники). «Вопросы философии», 1989, № 2, с. 162.

⁸ Бердяев Н. Смысл истории, с. 170.

⁹ Там же, с. 169.

жизни. На этих путях цели жизни меркнут, смысл угасает, а вместе

с ними умирает душа культуры, погибает образ человека.

Процессы обесценения духовных и нравственных начал человеческого существования, обесмысливания жизни, омертвления и истребления культуры, которые так чутко уловил философ, не просто иссушают один из источников человеческого бытия, но уничтожают самое главное: личность, индивидуальность, человечность, способные раскрываться лишь в культуре и через культуру. Однако истребляя культуру, духовность и личностное начало, современная цивилизация неизбежно готовит гибель себе самой, ибо подлинное творчество имманентно присуще лишь личности как свободной, самостоятельной и оригинальной мощи¹⁰. Утверждение изначальной свободы и положительного творчества, в котором восстанавливается образ человека, раскрывается универсальная человеческая природа и одновременно совершается не символическое и не техническое, а онтологически-реальное и духовно-нравственное преобразование жизни,— это самая заветная тема экзистенциальной метафизики Бердяева и ее последующих социальных проекций.

Хотя первоначальная ответственность за утверждение «буржуазности» и всех связанных с этим последствий, несомненно, лежит на капиталистической цивилизации, а не на социализме, однако последний продолжает дело «буржуазной» цивилизации, усваивая, по мнению Бердяева, ее дух и принимая ее отрицательное наследие. «Социализму,— как пронизательно замечает философ,— свойственно не столько презрение к буржуазности, сколько зависть к ней»¹¹. Он не находит здесь нового, преображенного отношения человека к природе и человека к человеку. Это отношение все то же старое, «буржуазное» отношение, основанное на некосмическом, отчужденном, разобщенном, нелюбовном отношении человека как к природе, так и к другим людям. Когда Бердяев пишет, что в социалистической революции, направленной на чисто внешнее, механическое разрушение старого, нет подлинной революции духа, нет подлинного творчества, нет бытийственности, он имеет в виду именно это. Подлинное созидательное и всеобъемлющее творчество неведомо ни капитализму, ни социализму. Кризис, который переживает современная цивилизация во всех областях — хозяйстве, политике, государстве, праве, философии, науке, искусстве, морали, религии,— свидетельствует, согласно Бердяеву, о том, что современная эпоха стоит накануне «антропологического откровения». Беспомощность человека перед современной трагедией коренится, по убеждению русского философа, именно в нераскрытости этой новой антропологии. Высшие формы бытия, по сравнению с тем ложным бытием, в котором до сих пор пребывал человек, предполагают иное сознание, иное направление воли, иное мирозерцание и иное мирочувствование. Но этот переворот в сфере ценностей, смыслов, духовности и нравственности не может совершиться внешне, механически, он требует подъема внутреннего человека, духовного и нравственного возвышения личности, возрастания созидательной — а не разрушительной,— т. е. истинно творческой активности людей. Когда читаешь эти слова, написанные более полувека назад, то кажется, что они обращены к современному поколению и его самым важным проблемам. Но готово ли оно воспринять в полной мере, а главное, воплотить в жизнь эти идеи?

На мой взгляд, следует признать, что в реальной практике значительная часть человечества по-прежнему продолжает воспроизводить старую систему ценностей, эгоистических, узкоутилитарных установок, более того, всячески пытается сохранить и оправдать ее как якобы вечную, неизмен-

¹⁰ См. Бердяев Н. Смысл творчества, с. 360—361

¹¹ Там же, с 487.

ную, соответствующую природе человека и посему единственно возможную. А между тем именно эти формы мышления и деятельности привели к возникновению и предельному обострению общецивилизационных, глобальных проблем, поставивших под угрозу не только существование природы, но и самого человечества.

Затратив огромные духовные и интеллектуальные усилия на подчинение своей власти природы и создание изощреннейших средств самоуничтожения, человечество испытывает сегодня серьезные трудности в положительном творчестве, связанном с восстановлением нарушенного экологического равновесия и гармоничного взаимодействия человека и общества. Кризис переживает не только сциентистские и научно-инженерные представления, но и гуманитарные, антропологические, психолого-педагогические и образовательно-воспитательные концепции и виды деятельности. Проблемы экологии культуры, нравственности, духовности и образования стоят сегодня перед человечеством не менее остро, чем проблемы экологии природы. Трагедия человечества, как справедливо отмечает Бердяев, заключается в том, что человек все еще не готов взять на себя слишком трудное и ответственное бремя свободы и поэтому «постоянно сбивается на соблазн подмены путей свободы путями принуждения»¹².

Строго говоря, сущность современных глобальных проблем такова, что они не могут быть разрешены известными до сих пор человечеству способами: заменой средств труда, технологий, социальных институтов и т. д., если при этом будет сохранена прежняя система ценностей, установок и приоритетов, которую Бердяев определял термином «буржуазность». Чтобы* разрешить названные противоречия, человечество должно пойти на такое осмысленное творчество новых форм бытия и культуры, которое может осуществляться лишь при условии изменения человеком самого себя путем утверждения новой иерархии ценностей и новой мотивации всех видов человеческой деятельности. Такое духовное и нравственное возвышение человека, его свободное самоограничение и самодисциплину Бердяев называл персоналистической, моральной, духовной революцией — самой сложной, радикальной и глубокой из всех революций, которые до сих пор знало человечество. Безусловно, философские идеи Бердяева имеют наибольшее значение именно в аспекте идеально-преобразовательной деятельности, проецирующей новую систему идеалов, ценностей и смыслов.

На мой взгляд, есть основания утверждать, что такая духовная работа — прежде всего на уровне мирового сообщества — уже началась, постепенно в той или иной степени охватывая различные регионы, страны и народы. Важное значение здесь имеют выдвинутая ЮНЕСКО концепция этики согласованного развития человека, общества и природы, новая концепция свободы, ответственности и прав человека, разработанная ООН.

Вселяет надежду и то, что возвращение ростков новой культуры и нового бытия уже не ограничивается духовным творчеством отдельных выдающихся личностей; вынашиваемые идеи глобальной этики начинают воплощаться в деятельности международных, региональных и государственно-национальных организаций, союзов, ассоциаций, партий.

Осмысливая суть этих процессов, нельзя не признать, что русский философ с таким глубоко личностным интересом размышлявший о подлинном призвании человека, о смысле истории и судьбах человечества, предвосхитил ту глобальную переоценку ценностей и приоритетов, в преддверии которой находится человечество сегодня и которая — если она состоится — позволит ему не только спасти, но и творчески преобразовать свое бытие и занять достойное место на Земле и во Вселенной.

¹² Бердяев Н. Смысл истории, с. 158.